

«Подрядился быть при иконной работе»

СОБЕСЕДНИК

Александр Иванович Шемякин, выпускник Демидовского университета, в Ярославской таможне работает практически со дня ее основания, возглавляет отдел таможенной статистики. Полковник таможенной службы. И – серьезный историк. Участник научных конференций и семинаров, автор статей в специальных сборниках. Организатор музея таможни. В 2000 году вышла его очень интересно написанная книга «История таможенного дела в России и Ярославский край», в основе которой сотни не публиковавшихся никогда документов из архивов Москвы, Петербурга, Ярославля. Не менее любопытной, судя по всему, станет новая книга Александра Ивановича, работу над которой он сейчас заканчивает. Она посвящена ярославским иконописцам XVIII – XIX веков и представляет собой словарь, где собраны сведения о людях этого очень распространенного когда-то в нашем городе ремесла.

– Вы по-прежнему заняты вроде бы странным для таможенника делом, уже несколько лет проводите все свободное время в архиве. А главное, почему вдруг иконописцы?

– Во-первых, не «вдруг». Достаточно давно у меня стал копиться материал на эту тему. А во-вторых, отправная точка все та же – интерес к собственной родословной, как ни банально это звучит. Все ведь отсюда растет. Работая в архиве с документами, связанными со своими предками по линии матери, а они были коренными ярославцами, жили здесь многими поколениями, обращал внимание и на другие чем-то примечательные имена и факты. Информация откладывалась, ждала своего часа. И дождалась.

– Среди ваших предков оказались иконописцы?

– Иконописцев не было. Были мастера серебряного дела, как мне теперь удалось совершенно достоверно выяснить. Со временем, надеюсь, дойдет и до словаря серебряников – в XVII веке в Ярославле делали серебро высочайшего уровня. Архивные материалы проливают свет на многое. Начинаешь понимать, что все это было не анонимно, не безымянно, все создавалось руками конкретных людей.

– Но иконописцы, иконописцы?

– Ярославль имеет богатые традиции художественной культуры. Я знал Ирину Петровну Болотцеву и до сих пор дружу с ее коллегами из отдела древнерусского искусства художественного музея. Ярославская школа иконописи достигла высшего уровня в XVII веке, мастера Семен Спиридонов, Федор Зубов, Гурий Никитин имеют всемирную известность. А про более поздний период, XVIII – XIX века, в не столь давние времена говорили, что с точки зрения искусства они уже ничего интересного из себя не представляют. Да еще известные гонения. Документы 1930-х годов читаешь – дрожь берет. Если иконы XVI – XVII веков пусть с оговорками, но считались исторической ценностью, то с более поздних предписывалось просто счищать красочный слой, чтобы доски, если они крепкие, не пропадали.

Но зато, как ни парадоксально, сохранился довольно полный массив архивных данных XVIII – XIX веков. Можно найти разрозненные по старым бумагам сведения об иконописцах, о том, что они делали. Это и побудило меня выявить по возможности всю информацию о них, имеющуюся в наших архивах, собрать ее воедино, систематизировать. Нельзя сказать, что начинать пришлось с совсем уж пустого места. Есть имена художников, которые и раньше были на слуху. В первой трети XVIII века храмы расписывал

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ

наш знаменитый Алексей Иванов, он же Сопляков, представитель целой династии. У него была артель, были ученики, после них тоже работали художники – были династии Шустовых, Сарафаниковых... Постепенно удалось набрать порядка двухсот имен, многие из них окажутся совершенно новыми для исследователей.

Приятно, когда удается найти даты жизни мастера, какие-то факты его биографии – где жил, где работал, какая была семья, какие-то бытовые подробности. Художники ведь жили такими же заботами, как все вокруг: и дома покупали-продавали, и куда-то уезжали, и участвовали в делах по разделу имущества, и под судом стояли.

– Давайте приведем для примера какую-нибудь одну статью из будущей книги.

– Ну хотя бы эту: «Сарафаников Дмитрий Иванов. Родился около 1758 года. Ярославский посадский. Был женат на ярославской посадской Александре Ивановне Дранишниковой. Работал в Успенском соборе с 1800 года: поновление запрестольного креста, написание иконы Василия и Константина, поновление с товарищами иконы Св. Чудотворцев... В 1806 году выполнил стенную живопись церкви Никиты Мученика. В октябре 1799 г. подрядился быть на иконной работе в г. Весьегонске».

– А подробности частной жизни какие наиболее интересные вам встречались?

– Интерес возникает, когда по достаточно скудным записям удается проследить отношения людей этого круга между собой. Либо они друг у дру-

га детей крестили, либо женили, либо дочка художника выходила замуж за сына серебряника. Встретишь какую-то новую деталь и радуешься – ты уже этих людей как родных воспринимаешь. В рекруты их отдавали. Никакого привилегированного положения они не занимали.

– А по имущественному положению они какие были – богатые, бедные, средние?

– По моим наблюдениям, богатство редко кто снискал. Чтобы вступить в купеческое сословие, требовалось иметь определенный капитал – такие случаи были, но не очень много.

– Живописец вступал в купеческое сословие?

– Да. Братья Иконниковы, довольно известные художники конца XVIII века, были купцами третьей гильдии, Семен Завязошников, запись о котором я нашел в синодике церкви Николы Надеина – он внес туда вклад на поминание себя и своих родственников, – тоже был достаточно состоятельным. Но большинство это люди среднего достатка. Часто выезжали в другие города, чтобы заработать, – в Тулу, Нерехту, Тихвин, Кострому. К ним охотно обращались, знаменитая традиция XVII века была еще жива, слава ярославских художников выходила далеко за пределы своего города.

Кстати, любопытный момент. Был такой Петр Константинович Смирнов, представитель известной династии, его дедушка еще в 1795 году расписывал церковь Пятницы Калашной. Так вот, в 1862 году этот Петр Константинович, как говорится в документе, взял в обучение иконному мастерству и писанию вывесок дворового мальчика. И вывесок! Чтобы человек нашел себе еще какое-то применение. Иначе говоря, в середине XIX века иконопись вырождается, спрос на нее сходит на нет. Еще Ирина Петровна Болотцева отмечала, что иконописи в это время постепенно вытесняется светским искусством: появляются портрет, пейзаж, те же вывески, то есть реклама. Иконописцы, имея навыки, способности, талант, вынуждены были, чтобы выжить, уходить в какую-то побочную сферу.

– Грубо говоря, шабашить?

– Вот именно. Чтобы, как

сейчас модно говорить, диверсифицировать риски.

– Ваши архивные поиски как-то сопрягаются с исследованиями искусствоведов? Вы нашли, например, новое имя. Можно ли сказать, что после этого перестанут быть безымянными какие-то росписи или иконы в храмах, музеях?

– Высочайшей задачей была бы атрибуция сохранившихся произведений. Сейчас об этом говорить рановато. Чтобы атрибутировать, надо иметь достаточно полный круг персоналий и столь же подробный перечень произведений, созданных в то время. Искусствовед Ярославского художест-

венного музея Ольга Борисовна Кузнецова ведет эту научную тему, и мы с ней всегда находим общий язык. Просто она берет вглубь, а я взял немного вширь, пополняю базу данных за счет архивных документов. Оба направления равноправны, дополняют друг друга и одно без другого не может существовать.

Благодаря информации, добытой в наших архивах, некоторые артефакты встают буквально из небытия. Уже упомянутый мной Алексей Иванов, он же Сопляков (в XVIII веке еще не было твердых фамилий), олицетворял собой последний, классический этап ярославской школы иконописи и фресковой живописи. Он расписывал храмы в первой трети XVIII века. Они частью утрачены, как церковь Варвары Великомученицы, частью находятся в печальном состоянии, а знаем мы о них теперь немало.

– Копаться в «архивной пыли», как я понимаю, вам в удовольствие?

– Конечно, это работа на любителя. Здесь, как у Маяковского, изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды. Ради одной записи можно перелопатить сотню дел. Тем дороже каждая находка, она с лихвой окупает все затраченное время.

– Как бы вы определили жанр будущей книги? Читать ее будет так же интересно, как вы рассказываете, или она рассчитана на специалистов?

– Это справочное издание и для специалистов, и для всех тех, кому интересна история Ярославля. Если хотите, стик генеалогии и истории.

Татьяна ЕГОРОВА.